

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

В. М. Бейлис

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕКСТОМ
МАС'УДА ИБН НАМДАРА

II. Стихи и афоризмы Мас'уда ибн Намдара

Фигура поэта-чиновника — одна из самых типичных для арабской поэзии времени господства Сельджукидов. Наиболее выдающиеся поэты XI—XII вв. состояли на государственной службе и достигали высоких степеней при дворах сельджукских государей и багдадских халифов. Так, видный поэт конца XI — начала XII в. Абӯ Исма'ил ал-Хусайн ат-Тугра'й (453—515/1061—1121) дослужился до должности главы диванов ат-тугра' и ал-инша', а другой знаменитый поэт этого времени — Абӯ-л-Музаффар Мухаммад ал-Абйвардӣ (ум. в 507/1113 г.) закончил свои дни в должности мушрифa державы¹. Должностное положение чиновников обязывало их владеть не только навыками составления официальных документов по определенным канонам, но и литературными знаниями в широком смысле слова. Султан Санджар в письме к мустауфӣ Мерва отмечает, что тот является мастером в стихосложении и прозе². Такое мастерство не было в ту пору большой редкостью, но в полном виде до нас дошли сочинения наиболее известных поэтов, и стихи второстепенных авторов сохранились большей частью в отрывках, приведенных в антологиях, и отчасти в исторических сочинениях. Нужно отметить, что основным источником, сохранивший арабские поэтические тексты этой эпохи, — антология "Харйдат ал-қаср ва джарйдат ал-'аср", составленная 'Имад ад-Дйном ал-Исфаханӣ, — предоставляет нам воз-

1—3 534

можность лишь общего знакомства с деятельностью авторов. На подбор стихов в антологии определенно влияли традиции иерархии и чинопочитания: иракская часть ее начинается со стихов, принадлежащих багдадским халифам, их везирам и т.п.³ Несомненно, в Иране, Средней Азии, Закавказье в эпоху Сельджукидов поэзия на арабском языке оставалась доступной лишь сравнительно узкому кругу чиновников, факихов, кади. Панегирики в честь владетельных лиц сочинялись чаще на языке фарси, а поэты, писавшие на арабском языке, избирали обычно объектом своего восхваления везиров. Разумеется, Багдад во времена Мас'уда ибн Намдара оставался важным центром литературы на арабском языке, и сам халиф ал-Мустазхир, как многие Аббасиды, не был чужд литературных занятий⁴.

Сочинения Мас'уда ибн Намдара⁵ были предназначены в основном для местных чиновников. Почти все его адресаты - везиры, мустауфй, 'амйды в Ширване или Арране. Но в отношении литературного мастерства Мас'уд несомненно был фигурой незаурядной не только для этих областей. Даже перед 'амйдом Ирака ал-Мухаззабом Мас'уд считает возможным похвалиться своим даром красноречия и образованностью⁶.

Возможно, пути нашего автора и сходились с путями знаменитостей его времени. Так, 'Убайдаллаха Му'аййид ал-Мулка - сына знаменитого везира Низам ал-Мулка - воспевали такие известные в свое время поэты, как ат-Тугра'й, ал-Арраджанй, и др.⁷ А Мас'уд ибн Намдар обращался к нему с письмом - просьбой об устройстве на службу⁸. Восхвалением другого сына Низам ал-Мулка, Дийа' ал-Мулка Ахмада - везира султана Мухаммада ибн Маликшеха, Мас'уд открывает прозаическую часть сборника своих сочинений⁹. Между тем того же Дийа' ал-Мулка прославляли ал-Газзй, ал-Арраджанй

и ал-Абйвардй¹⁰. В своей работе о везирате в эпоху Сельджукидов 'Аббас Иқбал черпает из стихов упомянутых поэтов сведения о различных сторонах деятельности везиров, в том числе и сыновей Низам ал-Мулка. Но обращения Мас'уда ибн Намдара к этим везирам являлись лишь эпизодами в его деятельности, и его свидетельства не могут существенно дополнить их характеристики. Гораздо важнее для нас сведения Мас'уда ибн Намдара о положении в Арране и Ширване, содержащиеся не только в его письмах и рассказах, но и в стихах.

Панегирики нашего автора адресуются лишь одному правителю - ширваншаху Фарйбурзу ибн Саллару (около 1067 - не ранее 1111 г.). Больше всего стихов посвящено его везиру, а также мустауфй Гянджи, который, как выясняется из одного стихотворения Мас'уда ибн Намдара, был подчинен везиру Ширвана¹¹.

В стихах и прозе Мас'уда Ширван предстает перед нами как оплот ислама и феодального порядка, пристанище для "образованных" людей, арбитр в конфликтах. В другом месте мы имели возможность показать, как правительство ширваншаха Фахр ад-Дйна Фарйбурза - маджлис ал-фахрй - противостояло домогательствам эмиров, стоявших во главе тюркских и туркменских отрядов¹², хотя само оно, как это видно из сообщений Мас'уда, имело на службе такие отряды¹³. Некоторые панегирики нашего автора представляют своеобразную оценку политики ширваншахов современником - тем более интересную, что Мас'уд ибн Намдар не происходил из Ширвана и его служба там, о которой он вспоминал с гордостью, была все же временной. Мы приводим перевод одной из двух касид, адресованных ширваншаху Фарйбурзу:

... Стал на земле для входящего
 Фарйбурз справа от Ка'бы.
 Когда стала смутной жизнь князей (мулук),
 очистилось место, где пьет /этот/
 доблестный князь.
 Будут чисты до Суда его дни,
 назло врагам освежаемые росой.
 Не обманулся у его дверей посетитель,
 а полагавшийся на него никогда не был
 разочарован.
 Он обильно пролил на народ поток серебра -
 как ливень, проливающий влагу.
 Стал он склонен к здоровой цели -
 он не склонен ко злу.
 Явилась его пронизательная мудрая мысль -
 и показывает тебе скрытое в утробе.
 Ты видишь, что Х̄атим в сравнении с ним -
 скуп, а Сахбан¹⁴ - молчаливее травы.
 Я посетил его высочество, когда узнал
 о его всеобъемлющих благодеяниях.
 Не хотел я там даров, хотя это
 море для того, кто получает их.
 В его подарке - честь, однако я стремился
 к необходимому для меня покровителю.
 Раб (т.е. Мас'уд) - не поэт, выпрашивающий
 /дары/, и не алчущий прохожий.
 Он, однако, первенец племени и провел
 время в стремлении к цели.
 Когда ему бросили вызов превратности
 времени, он вышел победителем и
 не был беспомощен.

Не ты ли, о князь, обратившийся за
помощью /к Аллаху/, был поддержан
против чудовишного времени.
Ты овладел Мӯқаном¹⁵ /как/ владением присяги
и владеешь землями до берега¹⁶,
Побеждаешь Абхаз¹⁷ в набеге и поспешно
овладеваешь Арраном.
Назначаешь над Гянджей 'амила, и вот я -
мушриф этого 'амила¹⁸.
Не удивляйся милости божественной
и грядущему успеху твоей державы.
Разве отряд войска Вашего не совершил набег
и Гумйқом¹⁹ не овладел врасплох?
Уже бросился Сулвар²⁰ - Ваш раб - на ал-Лән
с многолюдным полчищем.
Он вернулся назавтра со всем, чего хотел,
и повергает безбожие²¹ в состояние
унижения.
О луна, тебя нельзя скрыть!
О гора, ты не кратковременна.
Вот море - только ты, князь, ему соперник,
Вот лев - нет укротителя /для него/,
кроме тебя!
Да продлит для тебя Аллах остаток жизни
в твоей державе на вечные времена,
И оставит при тебе богатство и славу
назло твоему немощному завистнику.
Да пребудут постоянно твои подлые враги
под отточенным острым лезвием²².

Если приведенная касида верно указывает размеры владений ширваншаха, то нужно признать, что Фарйбурз в течен-

ние некоторого времени объединял под своей властью все Восточное Закавказье. Так же как и таинственный Сулвӑр, гумики и лакзы были вассальными племенами, подвластными Ширвану, а население Мукана, по всей вероятности кочевники, принесло присягу ширваншаху. Мас'уд ибн Нӑмдӑр точно оценивает успехи Фарӑбурза, замечая, что они были достигнуты как раз тогда, когда "стала смутной жизнь князей". Действительно, в начале своей деятельности Фарӑбурз вместе с правителем Аррана шаддадидом Фадлом ибн Шӑвуром в конце 459/1067 г.²³ изъявил покорность сельджукскому султану Алп-Арслану. Но судьба соседних княжеств сложилась по-разному: Шаддакиды утратили Арран, а ширваншах, несмотря на сложные условия и угрозы со стороны сельджукских султанов, грузинских отрядов, кочевых отрядов тюркских и туркменских эмиров, сумел, как видно, расширить свои владения.

Среди стихов Мас'уда ибн Нӑмдӑра есть касида, которая определенно имеет целью демонстрацию автором знания редких слов арабского языка и навыка версификатора. Эта касида в сто рифм включает специально подобранные и зарифмованные слова, образованные от четырех- и пятибуквенных корней и редко употребляемых пород глаголов. Осмысленный перевод касиды вряд ли возможен из-за нарочитого нагромождения близких по смыслу слов. Начинается касида так:

يا دار ليلي باللوى فالانقر   حيثك السنة الهوامى المهور
 بمروقٍ مفروقٍ مفروقٍ   معلطفٍ مثعجٍ مسحنفر²⁴

О жилье Лайли в песках, тянущихся извилами и углублениями,
 тебя приветствует речь надвигающихся дождей,

Журчащих, текущих слезами, льющихся, темных, как
ночь, движущихся потоками, широких.

В конце касиды имеется посвящение Фахр ад-Дину - несомненно, тому же ширваншаху. Нужно полагать, при ширванском дворе могли найтись ценители подобных словесных упражнений, хотя ни антология "Ҳарїдат ал-қаср", ни другие наши источники, до сих пор известные, ничего не говорят о местной традиции арабоязычной поэзии в Арране и Ширване в XI в.²⁵ По-видимому, наш автор имел и личные основания восхвалять ширваншаха:

Это Фахр ад-Дин, да продлится его величие, -
сокровище для бедняка, возвышение для униженного.

.....

Это благородный, охраняющий правого от лжеца,
как залив, отделяющий поле от пустыни.

О, если бы я знал, в день, когда я войду в
свой город,

Что рассказать тому, кто спросит, собирая
известия!²⁶

Здесь "свой город" - это, несомненно, Байлакан. Мы знаем из других разделов сочинений Мас'уда ибн Нәмдәра, что в Байлакане он постоянно отстаивал интересы Ширвана в противовес раису города и, вероятно, значительной части горожан. Один из восторженных панегириков Ширвану мы находим в описании посольства Байлакана к ширваншаху. Горожане направили ширванскому правительству просьбу о помощи против эмира 'Абд ал-Джаббара. "Они, - пишет Мас'уд, - начали с того, из чьего дома возникло царство, кому творец дал во владение людей еще раньше, чем плавали в ковчеге. Адам завещал его деду власть заместителя на земле, и тот остался после него судьей отпускающим и держащим. Он оживил дома

отдаленности поддержкой и укрепил столпы земли руками и силой. /Это/ - "первый из домов, который установлен для людей"²⁷, и ходили вокруг него ал-Хидр и Илйас²⁸. Он остался населенным после опустошения веков и опередил дома населенной части /земли/ честью и славой... Его (Ширвана) реки заменят для тебя Замзам, его камни - Черный камень; /заменит/ самый рай его величайший сад (ал-бāг ал-акбар) и /лучше/, чем ал-Марва и ас-Сафа²⁹, - скала (сафātун) из Джулистана³⁰. Ас-Сураййā всю ночь гладит ее подножие, полная луна ждет пожеланий, ал-Фарқад нежится возле нее, а звезды ан-На'а'им³¹ целуют ее подошву. Достаточно для тебя вместо поста подняться к нему... Тебе придется забыть о вечности из-за его замков и жилищ, о рае - из-за его садов и деревьев, об ал-Каусаре³² - из-за его водоемов... Заставит тебя забыть о площадях его диван, о весах - его платежи, о людях и демонах - его подданные. Ты забудешь о твари земной, увидев его войска. Воображение не охватит его описания, даже "если бы все то, что на земле из деревьев, - перья"³³.

Как видно, Мас'ūd в усердии панегириста не остановился перед некоторым принижением мусульманских святых. Но эти преувеличения Мас'ūда показывают, что он знал о династических претензиях ширваншахов - Йазидидов. Вместе с тем Мас'ūd отказывается от роли придворного поэта, который, по его мнению, лишь выпрашивает подарки.

По служебному положению Мас'ūd был в подчинении везира Ширвана. Наш источник дает некоторое представление об этом сановнике и его взаимоотношениях с автором.

Бахā' ад-Дйн Абӯ-л-Фарадж Муҳаммад ибн ал-Хусайн ал-Кākūй, происходивший, по-видимому, из рода дейлемских Какуидов³⁴, был наследственным везиром ширваншахов. Нам кажется весьма вероятным, что Какуиды состояли в родстве с

ширваншахами, поскольку нисба ал-Кākūī может происходить от дейлемского "kākū" 'дядя по матери'³⁵. Обращает на себя внимание и то, что имя Фарībурз (Фарамурз) было распространено среди Какуидов³⁶. Из текста стихов Мас'уда ибн Нāмдāра Бахā'ад-Дīн предстает перед нами как влиятельный вельможа, покровитель образованных людей. Ему же приписывает Мас'уд основную заслугу в возвышении Ширвана:

Среди достоинств и совершенств благородного -
 то, что он обуздывает людей и его
 покровительством пользуются чужеземцы,
 О сын везира и внук везира, защиты юношу,
 которого надежда приблизила к твоему крову,
 Дом везирата и эмирата - Ваш дом,
 не удивительно, что его окружают адībы.
 Я ничтожен в славе для Вашей страны,
 но в какой земле умы вершат /дела/?
 Благодаря Вашему успеху Ширван стал таким,
 что его землям завидует небо³⁷.

Подобного рода восхваления Мас'уд не устал адресовать везиру по самым различным поводам: то он просит коня для путешествия, то приносит извинения за отсутствие в диване по болезни или просит более подходящей должности и т.п. По всей видимости, стихи на арабском языке и риторические послания были в ходу среди чиновников диванов. Мас'уд ибн Нāмдāр находил возможным упрекать своего покровителя за недоступность:

Да поразит Аллах Вашего привратника
 и избавит надолго Ваши двери от этого лица.
 Он опорочил добродетельность Вашего характера
 и осрамил славу Вашей воспитанности.

Великих украшают их помощники, а такой -
позорит их знатность.

Да оскорбит Аллах этого козла навеки
и сохранит его врагов - Ваших просителей.

.....

Да простит Аллах сборище нуждающихся в Вас
и посетителя, пришедшего к Вам.

Они умрут от ярости перед Вашими воротами,
так и не получив доступа к Вам³⁸.

Несмотря на некоторую резкость, этот стихотворный упрек - 'итāб не содержит ничего необычного: обвинение вельмож в недоступности и привратников-баввāбов в зазнайстве - мотив, довольно распространенный в арабской поэзии. Современник Мас'уда багдадский поэт Абū-л-Қāсим 'Али́ ибн Афлаҳ открыто упрекал самого везира Дийā' ал-Мулка Аҳмада:

Все стоят перед дверью, желая войти,
а дверь - как неподвижная скала³⁹.

Впрочем, Ибн Афлаҳ мало зависел от Дийā' ал-Мулка, а от нашего автора требовалось известное сознание своего достоинства для того, чтобы упрекать своего покровителя:

Ты обманывал меня, /проявляя/ то
небрежность, то медлительность, отказывал
мне - то отговариваясь, то затягивая.

Я представил должностным лицам
все это в различных письмах,
излагающих /мои/ доводы.

Завтра выяснятся обстоятельства: щедрость
будет достойна похвалы и похвалят
щедрого, а медлительного подвергнут
осмеянию⁴⁰.

Бахā' ад-Дй̄н ал-Кākūй̄ был покровителем Мас'уда в Ширване. Такими же покровителями нашего автора в Гяндже были 'амй̄д Ирака ал-Мухаззаб Абū Тāхир Аҳмад ибн Мухаммад ибн 'Алй̄, а также мустауфй̄ Амй̄н ал-Мулк Абū Джа'фар Мухаммад. В одном из стихов Мас'уд титулует первого из них " 'амй̄д обоих Ираков", но мы, к сожалению, не знаем, как 'амй̄д Ирака очутился в Гяндже. Ал-Мухаззаб - это, по всей вероятности, брат везира ал-А'азза Абū-л-Маҳāсина 'Абд ал-Джалй̄ла ибн Мухаммада ад-Дихистāнй̄ (ум. в 495/1101 г.), упомянутый Ибн ал-Асй̄ром в связи с прибытием в Багдад в раби' ал-аввале 495 / декабре 1101 - январе 1102 г.⁴¹. Из писем и стихов Мас'уда выясняется, что ал-Мухаззаб был весьма влиятельным чиновником:

Абū Тāхир, чистый честью и величием,
 'амй̄д обоих Ираков, высокий ал-Мухаззаб -
 Порядок державы земли, светоч щедрости,
 к нему усердно стремится каждый нуждающийся
 в защите.

Если судьба разрешит /кому-либо/ взойти к его
 престолу, то /взошедшие/ будут поселены
 не в "бесплодной четверти".

Он обладает положением между двумя звездами
 ал-Фарқад, и место его таково, что некий
 сaдр /находится/ под защитой некой /т.е. его/
 должности⁴².

Вероятно, нахождение между двумя звездами - это двойственное положение 'амй̄да Ирака, подчиненного и халифу и султану. Какому сaдру (т.е. везиру) покровительствовал ал-Мухаззаб, судить трудно.

Власть ал-Мухаззаба простиралась, по меньшей мере номинально, и на Арран. После описания одного из своих конфликтов с населением Байлакана Мас'уд пишет ал-Мухаззабу: "Пусть наш господин не спешит с упреками проклятому сборищу и выставлением его на позор, с искоренением проклятого дерева и его уничтожением, — это обернется для меня большой бедой и не будет для меня от них пользы"⁴³.

Знакомство и связи с 'амйдом Ирака представляли, как видно, больше чести для нашего автора, чем конкретной пользы. В тяжелое для нашего автора время его поддержал третий его благодетель — мустауфй Гянджи Амйн ал-Мулк Сикат ал-Ҳадра тайн Абӯ Джа'фар. Амйн ал-Мулку посвящен особый цикл стихов "Амйнийāt"⁴⁴.

Мотивы стихов "Амйнийāt" не отличаются разнообразием: это главным образом стихи в благодарность за денежные выплаты. Из стихов выясняется, что Амйн ал-Мулк после бегства Мас'уда ибн Нāмдāра из Байлакана поддержал его, предоставив ему убежище в Гяндже и средства к жизни.

Нет на земле такого /человека/, кто беспокоился бы
о пище раньше, чем не приблизится срок этого.

Голодный желудок мучительнее любого недуга,
хуже бедствия для того, кого оно постигло,
Когда за мной закрылись двери, а время лишило меня
возможности просить,

Земля стала тесной для меня, и я нуждался так,
что от голода был жаден и на собачьи отбросы⁴⁵.

Даже если учесть, что Мас'уд мог преувеличить истинные размеры постигших его бедствий и писать с единственной целью разжалобить высокопоставленного адресата, то все же ясно, что немолодой уже чиновник, вынужденный бежать

из Байлакана и утративший привычные доходы, не мог надеяться на то, что "законные" его права будут восстановлены без вмешательства его покровителей:

Я один стал против глупости на пути благоразумия,
но был одет в одежды заблуждения в Арране,
Сколько бедствий претерпел я от времени
и ослеп так, что не видел дивана.

Я подал жалобу на развратного, необузданного,
вымогателя, лентяя.

Свидетель Аллах, что я не верил тому,
что говорилось - тайно или явно (?),

Однако же когда я оберегаю благочестие и порядок,
то /даже/ при моей смиренности становлюсь
шайтаном...⁴⁶

Вместе с тем воспевание подарков и пожалований составляет один из важных мотивов стихов нашего автора:

От Вас каждый год мне благодеяние -
подарок, просимый и получаемый, -
В виде идрара, осыпающегося на меня
жемчугом, и тасвиға, чистота
которого дозволена мне.

Во втором бейте характерная для Мас'уда игра слов:

⁴⁷ بادرارٍ يُدّر عليّ دُرّاً   وتسويغٍ يُسوّغُ صفوه لي

Мас'уда мало заботит то, что его покровители назначают ему выплаты из налоговых сумм, а не из личных средств, и он пытается в стихах соблазнить их славой в качестве награды за благодеяния:

Тело тлеет под землей, остается/лишь/ хвала, -
а благодарность и воспоминание следуют
за ушедшим.

Владение - вещь, данная в долг, век - бедствие,

Душа бrenна, а жизнь похищена.

Благодетельствуй, если владеет твоя десница,

запасая благодарность благородных, как

установили предки⁴⁸.

Уже в стихах "Амйнийāt" мы встречаемся с многочисленными обвинениями Мас'уда ибн Нāмдāра по адресу жителей Байлакана. Конфликт автора с населением этого города составляет главное содержание всего сборника, и в этом отношении сочинения нашего автора занимают исключительное место во всей современной ему арабской литературе. Для выяснения причин конфликта Мас'уда с жителями Байлакана приходится обращать внимание на отдельные детали, так как упреки Мас'уда носят слишком общий характер - это чаще всего более или менее изошренная брань по адресу своих врагов, характерная для жанра сатиры - хиджā'. Из прозы Мас'уда нам известны вожак городских ремесленников - Башāра и некий 'амйд, собравший "простонародье" в крепости. В прозаическом тексте нет недостатка в упреках по их адресу, а также по адресу жителей Байлакана. В стихах повторяются эти же мотивы:

Нет среди них никого, кроме чужеземного мужичья,

а их начальники - косноязычные и холопы.

Их делом заведовали отпущенники (мавалй),

а унизил их и сделал их презренными опекавший

их всех 'амйд.

.....

Они силой заставляют друг друга бунтовать.

Там преграда, /отвращающая/ с пути благочестия.

Если кто служит им, они погубят его и высмеют, -

ведь поистине невежда неблагодарен по отношению
к своему господину.

А если ты держался от них в стороне, воздерживаясь,
или бежал от них, то проклянет тебя злорадный⁴⁹.

В касиде, написанной тому же Амйн ал-Мулку в качестве
прощальной, Мас'уд пишет:

Вера среди них стала редкостью,
а наука обернулась глупостью.
Там знатный не встречает адйба,
и не жалуется вельможа чужестранца⁵⁰.

Разумеется, жители Байлакана не читали обличительных
стихов Мас'уда; эти стихи предназначались для ширванских
и гянджинских чиновников. Особенно много таких стихов адре-
совано Амйн ал-Мулку. Имеются они и в цикле стихов "Байла-
канийат" - "байлаканские". Проклятия по адресу горожан, опа-
сения за судьбу семьи, оставленной там, жалобы на утрачен-
ные права⁵¹ свидетельствуют о том, что антипатии Мас'уда
относились не только к "простонародью" (ал-'авамм), но и к
влиятельным лицам в Байлакане. Это подтверждается и спора-
ми между Мас'удом, с одной стороны, и раисом Байлакана и
местным факихом - с другой. Но отношения Мас'уда ибн Нам-
дара с жителями Байлакана, судя по некоторым признакам, бы-
ли далеко не всегда такими враждебными, как это представ-
ляется из его обличительных стихов. В стихах Мас'уда встре-
чаются отрывки, посвященные отдельным эпизодам его жизни
в городе, и это своеобразие следует отметить, поскольку обыч-
ные - бытовые, как бы мы сказали ныне, - сюжеты не были
популярны среди поэтов сельджукской поры. Мас'уд пишет о
свадьбе своего брата, о вине, об ограблении байт аш-шараб

“питейного дома”. Например, таковы стихи, посвященные свадьбе брата Мас‘уда:

Брат мой любимый, круглый сирота, был

на моем попечении с младенческих лет.

Я вскормил его до двадцати лет, а господь воспитал
его искренним.

Он перевалил холм зрелости, достиг совершеннолетия
обученным юношей.

А когда юность ушла и он влюбился,
любовь сняла пену с волны.

Он приучился к вину и обильной пище,
но затем долго продолжалось его сожаление
как у соучастника пира.

Он порвал узы дружбы с собутыльниками,
и начала смягчаться /его/ кожа.

/Затем/ он обнаружил непокорность и отчужденность,
и из-за него затопил меня ливень забот.

/Тогда/ я приготовил выкуп и сковал его браком,
потому что супружество – выправляющие оковы.

Я пригласил всех, кто был в городе,
и в тяжелых обстоятельствах затруднил себя.

Я передал приглашение к угощению
‘амиду и кади этого древнего города.

Я пригласил в свидетели тех, кто был в Байлакане,
не осталось никого, кроме негодного и больного.

Я позвал по выбору “людей рядов”, и стало
тесниться огромное войско из них.

Пришли преданные друзья – сваты и добродетельные люди
числом как звезды⁵².

Далее Мас'ӯд не забывает указать сумму калыма - "три тысячи" (очевидно, дирхемов) и сообщает, что брачной церемонией руководил некий ученый "брат" (ахун) из родни невесты, а на следующий день были розданы одежды и деньги. В конце стихов выясняется, что они обращены к какому-то другу Мас'ӯда и содержат просьбу отвести несправедливое обвинение, выдвинутое против его брата⁵³. Мас'ӯд ибн Нāмдāр хочет представить себя в качестве благодетеля брата, но, с другой стороны, он подчеркивает дружественные отношения с горожанами.

В этом же цикле и далее мы находим стихи, которые могли оценить и понять только местные жители. Таковы шуточные стихи по поводу "ограбления питейного дома":

О, разве не горе мне и моему питью
и для несчастных людей беда!
Удивительно, что совершил предательский век
и сколько в этот век удивительных дел.
Уста сдули неприступную стену
и ворота радости, да какие ворота!
Я запечатал полные кувшины, спрятав их еще
с дней юности.
Но вот они (?) сорвали мои печати,
когда племя прелюбодеев совершило набег
на напитки.
Не осталось ничего от обильных /запасов/,
они не оставили даже чаши /вина/ в кувшине,
Не осталось ничего для старика-пьяницы,
не смогли бы выпить юноши для увеселения.
Не сказать ли здесь райсу высокому:
приди и утешь меня в том,
что /у меня/ увидишь!

Давай поставим в утешение вино –
 да не останется воров,
 а одно лишь /пьяное/ марево...⁵⁴

Хотя во многих местах сочинений Мас'уд подчеркивает приверженность к религиозным догмам и запретам, он не считает нужным скрывать своей любви к вину, даже тогда когда объявляет себя "раскаявшимся":

Я оставил вино вопреки /велению/ сердца,
 а то, что я оставил его, удивительнее того,
 что я жажду...

Обязательно должен быть перерыв
 после исполненного обета: я поклялся
 правдой и не лгу...⁵⁵

И в стихах, посвященных воздержанию от вина, Мас'уд пишет о своей внутренней борьбе:

Я удивляюсь моему веку и удивительному времени:
 тягостно для друзей то, что я раскаялся.
 Разве вслед за жизнью не спешит смерть,
 а за удовольствиями – заботы и беды.
 Разве после сегодняшнего дня не последует
 ночь тоски, в которой светят звезды горестей⁵⁶.

Но Мас'уд ибн Намдār совершенно чужд каких-либо мистических или аскетических настроений. Обычно он жалуется лишь на житейские невзгоды, неудачи на службе и неизменно подчеркивает свою независимость и чувство достоинства.

Стихотворные отрывки и касиды, не вошедшие в перечисленные выше циклы, Мас'уд объединил под названием "Их-вâнийât" – "дружеские". Иногда встречаются и здесь стихи, написанные с разговорной интонацией. Вот 'амй̄д Байлакана, ко-

торого Мас'уд именует ал-Мунтаджаб, забыл или не захотел посетить нашего автора, когда тот вернулся в Байлакан из Багдада⁵⁷. Такой визит был, вероятно, обязателен, так как Мас'уд утверждает, что 'амид нарушил "долг прибытия" - (ḥaqq al-ḳudūm):

Долг прибытия - старая

и соблюдаемая людьми заповедь.

Разве Вы забыли долг величия? Вот это
удивительное дело!

Или Вам помешали увидеть меня попойка в четверг
и драка!

Вас поздравил Ваш слуга /маула/. Он думал
о Вас на протяжении пути,

Писал Вам, упрекал Вас, но где ответ, такой
как должно?

При всем этом я посету Вас завтра
с письменным сообщением⁵⁸.

В том же духе, но еще более легко и свободно написано шуточное стихотворение - упрек катибам за их небрежность в адресовании и соблюдении титулатуры:

عجبت لشحهم في الكتاب	الا ان هذا الشيء عجاب
ولا فرق ما بين شيخ وشاب	ولا فضل يوما بفضل الخطاب
اليس تناسلهم من تراب	فستان للمرع فخر وعاب
الاصب ربي سوط العذاب	على كل عالج ثقيل الحجاب ⁵⁸

Я удивился их скудости в письме, -

разве это не удивительное дело?

Нет различия между стариком и юношей,

при решении споров /они/ не уважают никого.

Да разве они не происходят из праха:
какая разница для мужа между
прославлением и поношением?

Разве мой господь не обратил бич мучений
на каждого грубияна, к которому
трудно достигнуть?

Стихами в форме упрека пытается наш автор привлечь внимание нā'иба Гянджи диххуз̄ы ал-Муваффақа к какой-то своей просьбе:

Горе мне после того, как я отчаялся в своей просьбе.

Не осталось ни покоя, ни терпения!

Я жажду, а пучина моря достоинств многоводна.

О нужда жаждущего на берегу моря!

Сколько просьб о моем праве получили бы
утвердительный ответ, если бы Вы облегчили
решение дела!

Мои уста повторяют бейты жалоб,
а они /еще больше/ печалят душу⁶⁰.

В собрании стихов Мас'уда ибн Нāмдāра есть и касида, написанная в подражание классическим образцам - "плач на следах стоянки":

Я остановился на повороте долины, у следов жилья.

Я плачу, и кричит подо мной верблюд.

Я вспомнил время, которое я провел с хозяевами /жилья/:
ведь был я связан с ними узами дружбы.

Не покидало меня терпение, пока не иссякло,
и не удерживал я слез, пока они не пролились потоком.

Это дом, под сенью которого я провел время детства
и ранней юности⁶¹.

Затем грусть сменяется рассуждением о превратностях времени и восхвалением везира. Заканчивается касида просьбой о предоставлении должности.

Тяготы службы тоже находят в стихах нашего автора некоторое отражение; впрочем, искусственность формы обычно заслоняет конкретные подробности, и мы встречаемся лишь с отдельными картинами жизни чиновника. Таково описание путевых невзгод:

Я покинул своих, но негодное это дело — дорога,
и оставил я свой дом в тяжелый день.

Я терпел незаслуженно превратности бедствий
и перенес различные тяготы и страдания.

Сколько раз ночевал я без кровли и просыпался
между клыками опасности.

Спал на спине решимости и поднимался на край
кругов коварства.

На своем пути я сталкивался с копьём
и встречался в дороге с адом⁶².

Описания природы сравнительно редко встречаются в стихах Мас'уда ибн Нāмдāра, и они не отличаются живописностью и оригинальностью. Некоторые из них, возможно, связаны с непосредственными восприятиями автора:

Спят люди, нет шума от них, джинны
и твари исчезли.

Земля освободилась от движений жизни,
не осталось на ней следящего взгляда.

Подул в темноте прохладный ночной ветер,
и мой путь был орошен дождем.

Опустилась бадья, полная влаги,
наполненная струей ливня.

Молния зажгла свой светильник, и он вспыхнул,
 а заря /еще/ не занялась.
 Туча над самой горой шумела,
 подобно рычанию льва⁶³.

В своих стихах Мас'уд выступает по преимуществу не как поэт-живописец, а как ритор. Так, приведенные выше стихи оказываются лишь фоном для переживаний автора: длинная (сто бейтов) касида повествует о неблагодарности кого-то из покровителей Мас'уда:

Друг мой, удивительна эта история,
 разве это - не отвратительное дело?
 Я имел намерение встретиться с ним,
 но встретила меня одна лишь его заносчивость.
 Сколько есть у меня страниц, упоминающих о нем!
 Их строки стали /ныне/ лишь вызывать досаду.
 Он не помог мне в тот час, а ведь я сократил
 на службе свою жизнь.
 Хотя я /для него/ - первый слуга,
 но он, если хотел, делал /мне/ зло,
 а если хотел - добро!⁶⁴

Впрочем, касида - одна из последних в сборнике, и ее окончание Мас'уд посвящает самовосхвалению. Он подчеркивает, что ему удалось одолеть своих противников и добиться всего, чего он хотел:

Я сделал для людей явным то, что было скрыто,
 и замыслил для врага /нечто/, одолевшее его.
 Я рассеял, как волк, стаю страусов
 и, как лев, разделил стадо.
 Из силы унизил я то, что возвышалось,
 а из множества уменьшил то, что увеличилось.

Я обрел безопасность вопреки проклятым
и получил величие на зло ослама...⁶⁵

Мы привели в переводе некоторые отрывки из стихов Мас'уда ибн Нāмдāра, из числа наиболее типичных. Не подлежит сомнению, что этот чиновник и администратор был также подготовленным профессионалом-литератором с определенным тяготением к усложненным литературным формам в стихах и прозе. Двойная рифма (луз'ум), игра слов и аллитерации настолько часто встречаются в его стихах, что создается впечатление нарочитой усложненности, даже в сравнении с современными автору образцами. Многочисленные повторения и варианты одних и тех же мыслей, подчинение смысла текста его литературной форме затрудняют перевод и стихов и прозы Мас'уда.

Свою прозу, обычно рифмованную, Мас'уд ибн Нāмдāр уснащает цитатами и оборотами из Корана, искусно, "к слову", вставляя их в текст, иногда в рифму с предыдущим. Так, о группах горожан Байлакана Мас'уд пишет: они "не отыскали ни расселины в земле, ни лестницы на небо"⁶⁶, "Узнаны будут грешники по приметам, и схватят их за хохлы", по поводу убийства 'амйда Мас'уд цитирует: "вот от чего ты уклонялся..."⁶⁷. Иногда цитатой из Корана завершается раздел. Кроме того, Мас'уд комбинирует коранические обороты, взятые из разных сур и стихов, и текст нередко превращается в сплошной набор цитат из различных мест Корана, подобранных в соответствии с содержанием рассказа самого Мас'уда ибн Нāмдāра и его стилем. Таково, например, окончание "Раздела о моем спасении помимо /воли/ близких и далеких". Жители Байлакана в таких выражениях предлагают нашему автору покинуть город:

فاخرج اناك من الصاغرين ولا يغيرنك تقلبهم في البلاد فمن يضل الله فماله
من هادٍ ولقد ابتغوا بك الفتنة من قبل وقلوبك الامور فمالك الا الموافقه
اوالمسير

В приведенном отрывке четыре цитаты из Корана, следующие подряд: "Выходи же: ты среди оказавшихся униженными", "Пусть тебя не соблазняет их изворотливость в стране", "А кого сбивает Аллах, тому нет водителя", "И раньше они стремились к смуте /против тебя/ и переворачивали перед тобой дела", Вот и для тебя /возможны/ либо согласие, либо отъезд"⁶⁸. Цитаты приводятся, вероятно, по памяти, так как в них есть отступления от канонического текста. Подобных "серий" коранических цитат у Мас'уда ибн Нāмдāра много: они встречаются и тогда, когда автор пишет от своего имени, и в тех случаях, когда он излагает официальные документы, например письмо дивана Гянджи населению Байлакана⁶⁹.

Конечно, литературная образованность Мас'уда простиралась значительно далее знания Корана. В текст его прозаических сочинений вставлены многочисленные изречения, в том числе и бейты известных поэтов. Мас'уд ссылается на авторов всего лишь в трех случаях, называя ал-Мутанаббī, ал-Фараздақа и Ибн ал-Муқаффа'а. В действительности же поэтических цитат у него значительно больше, но Мас'уд вводит их, не только не указывая автора, но и не вставляя слова "қāла" 'сказал' или аналогичного. Среди идентифицированных нами цитат на первом месте оказываются, как и следовало ожидать, стихи ал-Мутанаббī. Но речь идет не о поэтических цитатах в полном смысле слова, а об отдельных бейтах, ставших "крылатыми словами" - мақал ас-сā'ир. Цитаты в два-три бейта у нашего автора встречаются редко. Цитируемые Мас'удом стихи ал-Мутанаббī и других поэтов были широко известны как пословицы: "Если ты увидел обнаженными клыки льва, то не думай, что лев улыбается"; "Для познавшего славу и величие равны и жизнь и гибель!"⁷⁰ и т.п. В качестве таких же гномических изречений без упоминания авторов мы

встречаем у нашего автора отдельные бейты ас-Самау'ала ибн Адийа, Абӯ Нуваса, Абӯ Таммама⁷¹ и других поэтов.

О том, что Мас'уд осознавал в некоторых случаях авторство видных поэтов, свидетельствует упоминание в отдельных случаях их имен. Но в его сочинениях, где вообще преобладает назидательный тон, важным было само по себе меткое и краткое изречение. В такую форму облакаются порой сентенции самого автора, но он не упускает случая использовать и готовые афоризмы. Самый подбор афористических изречений весьма характерен и даёт нам представление о морали чиновничьей среды или по крайней мере о проповедуемых моральных нормах. Не менее интересны афоризмы об отношении чиновников к различным слоям общества.

Многие пословицы и поговорки говорят о преимуществах власти и необходимости службы:

72 العمل وكل عتٍ والعزل وكل ذلّ وجبذا الامارة ولو على الحجاره

"Служба - предоставление величия, а отставка - предоставление унижения. Как хороша власть даже над камнями!"

73 وغبار العمل خير من عبير العطله

"Пыль службы лучше, чем аромат бездействия".

С другой стороны, у Мас'уда значительно больше сентенций по поводу призрачности власти, неудобств и тягот службы чиновника:

وسكر الولاية لا يفي بخمار الاعتزال والعزل كما قيل طلاق الرجال
74 ولا ذنب لاحد في البين فالكدر من راس العين

"Опьянение властью не стоит похмелья отставки, ведь отставка, как говорится, развод мужчин. Нет в /этой/ разлуке вины ни на ком: муть в самом истоке родника".

75 ولم نعمة لله في عرق ساكن وعبد رافه ليس بكاتب ولا ضامن

"Сколько блага у бога для знатного на покое и для благоденствующего раба, /если он/ не к̄атиб и не д̄амин".

Бурное и изменчивое время, зависимость от высших, несправедливость власти также находят известное отражение в пословицах, приводимых Мас'удом:

⁷⁶ واذا تغير السلطان تغير الزمان

"Если меняется султан - изменяется и время".

⁷⁷ الارب مولى ليس يصلى بناه وحافر بئر ليس منها بشارب

"Разве не бывает, что высекавший огонь не молится у него, а роющий колодец - не напьется из него".

⁷⁸ اسجد لقرود السوء في زمانه

"Поклонись скверной обезьяне, если /пришло/ время".

Все это порождает у Мас'уда своеобразную философию приспособленчества и умеренности:

⁷⁹ وان لم تكن ما تريد نرد ما يكون

"Если нет того, что мы хотим, то пожелаем то, что есть".

وان غلا اللحم فالصبر رخيص

"Если подорожало мясо - воздержание дешево!"

⁸⁰ وكلب جوال خير من اسد رابض

"Бродячая собака лучше лежащего льва".

Часто встречаются у Мас'уда пословицы и поговорки, демонстрирующие его ненависть к низшим слоям населения. Мас'уд ибн Н̄амд̄ар осыпает упреками и бранью не только жителей Байлакана, с которыми он постоянно враждовал, но и крестьян, а также кочевников тюрков и туркмен. Разумеется, в ненависти к "простонародью" (ʿав̄амм) проявились во всей откровенности взгляды, свойственные представителям чиновного сословия времен Сельджукидов. В официальных документах, в частности в грамотах, адресованных различными государями XII - начала XIII в. чиновникам, встречаются порою

упоминания о необходимости внимания к нуждам подданных, улучшения их положения и т.п.⁸¹. Но Мас'уд ибн Нāмдār в своих письмах и стихах, адресованных чиновникам высоких рангов, нигде не пишет об этом. Напротив, презрение к городскому населению и крестьянам он представляет в своих сочинениях своим служебным долгом и часто ссылается на то, что виновниками его бедствий являются жители Байлакана, хотя, как это видно из приведенных выше стихов Мас'уда о свадьбе его брата, вражда нашего автора с городским населением не всегда была непримиримой. Создается впечатление, что постоянные упреки Мас'уда ибн Нāмдāра в адрес низших слоев населения - в какой-то мере еще и угождение вкусам высших чиновников.

Особенно охотно Мас'уд приводит пословицы, требующие покорности, безропотного повиновения власти:

قد اعطى عبدٌ كراعًا فطلب ذرأته والذئب ان صالح الضأن زبنة⁸²

"Если рабу дают баранью ножку - он просит плечо, а если волк щадит ягненка, тот лягает его".

ذنب الكلب يقوته و فمه يقوته وميمته⁸³

"Хвост собаки кормит ее - а ее рот губит ее" (т.е. когда собака виляет хвостом, ее кормят).

Аналогичные пословицы встречаются и в других местах рассказов и писем Мас'уда (лл. 119a₁₋₂, 179b₈, 217a₆₋₇ и др.).

Крайнее негодование Мас'уда ибн Нāмдāра вызывают выступления населения Байлакана и его стремление к самостоятельности, как бы ограничена она ни была. Жители города выступали, как это видно из многих мест сборника, лишь против засилья и злоупотреблений чиновников. Но Мас'уд ибн Нāмдār решительно отвергает всякое право населения на участие в управлении городом, рассматривая его как незаконное. Афоризмов, связанных с таким воззрением автора, в со-

чинении много, и нас могут удивить лишь прямота и настойчивость, с какими Мас'ūd проповедовал мораль такого рода:

84 متى صاح الدجاج كالديك ذبح

"Закричит курица петухом - ее режут!"

85 لسان الجاهل مفتاحُ حنقه وكلامه المجمع في كلمه من سيفه

"Язык невежды - ключ его гибели, а его речь ранит его /самого/ лучше, чем его меч".

86 متى نار ربح العوامّ ضاع قلب الكلام وفلّ حدّ الملام

"Когда поднимается пыль "простонародья", исчезает сила слов и зазубривается лезвие упрека."

Мас'ūd ибн Нāмдār присоединяет к проповеди кастовой ограниченности и презрения к ремесленникам и торговцам очень характерное для арабской средневековой литературы восхваление "образованности" - адаба: то противопоставляет он себя закоренелому "невежеству" жителей Байлакана, то, с другой стороны, порицает невежд - kāтибов и 'āмилей.

Большое место в сочинениях Мас'ūда ибн Нāмдāра занимает риторическая полемика. В сохранившейся части сборника в качестве его противников выступают раис города Байлакана и факих, и словопрения между ними интересны для нас как полемика главы горожан и главного контролера налогового ведомства в городе, каковым, несомненно, являлся Мас'ūd. Поскольку она изложена одной стороной, к тому же в условной литературной форме, то, естественно, к ней необходим осторожный подход. В передаче Мас'ūда не исчезло стремление раиса к примирению с автором, но есть и необходимое условие этого примирения - Мас'ūd должен считаться с интересами горожан. В данном случае нас интересует то, что и раис и Мас'ūd приводят много пословиц и, вероятно, к подбору аналогичных по содержанию пословиц в каждом разделе Мас'ūd подходил сознательно, как к литературному искусству.

Доводы своего противника Мас'уд излагает так же подробно, как и свои собственные, и в таком же риторическом оформлении. К примеру, следующий эпизод. Раис отговаривает Мас'уда ибн Намдара от его намерения покинуть город и отправиться в путешествие (по-видимому, в хадж, но об этом говорится ниже). Речь раиса состоит из цепи нравоучительных сентенций:

"Поистине, эти люди (т.е. горожане) – создания мечей притеснения и щиты от копий унижения; не заживают раны жестокости на их членах. Они не устают пристально смотреть вечером и утром, опасаясь насилия, и от страха трепещут все их мышцы, из-за опасности в их головах являются злые мысли. Для бегства в их сердцах распростерты крылья, а для страдания в их душах водружены столбы и укреплена опора... Если бы путешествие было близким, цель достижимой, они следовали бы за тобой. Однако дорога для них далека и тягость ее велика. Куда пойдете – ведь не останавливается мельница суровой войны, не пропадает пыль распри, не скрывается меч в ножнах. А еще натянутые луки, летящие копьа, пущенные стрелы, блуждающие глаза, смятенные души, бьющая ключом кровь! Не ослаблена подпруга, не снята узда, не спешится всадник и не отправится в путь кто-либо. Не наступает конец этому, не прекращаются ужасы, не возвращается держава (ад-даула) к ее роду, и не укрепляется государство (ал-мамлака) в своем положении, не успокаивается земля от потрясения. Так потише в пустыне алчности, потише и помягче среди твоих людей, а затем полегоньку /можно/ взять и обязательство покорности, /но/ терпеливо: поистине, рука Аллаха за общиной!"⁸⁷.

Далее в подтверждение сказанного раисом приведены пословицы: "Дозволенное зернышко с семьей лучше сокровищ казны", "Близость дома в бедности лучше роскошной жизни

на чужбине"⁸⁸, "Кто жаждет большого, тому достается малое, кого соблазнил мираж - тому отрезан путь"⁸⁹, "Не всякий раз достигнет цели путник на своем пути"⁹⁰, "Не все черное - финик, черен и камешек"⁹¹.

Затем следует саркастический ответ Мас'уда - он категорически отрицает возможность пребывания в городе и также приводит ряд афоризмов: "Если люди сидят дома, то считают их слепыми по части знаний, глупыми в отношении выгоды"⁹², "Если нет для передвижения ничего, кроме лезвия, то нуждающемуся остается только оседлать его"⁹³, "Длительное пребывание человека в одном квартале изнашивает его платье, а переселись - обновись!"⁹⁴.

Мас'уд не удерживается от презрительной тирады по адресу горожан - своего рода антитезы увещаниям раиса:

"Нет добра в обучении паршивых и в золотой руде, если она в пыли, в сбрасывании корзин и воспитании тряпичников, в утирании носа детям козлов и разделении пары лепешек в четверг.

Нет ничего достойного в науке о сотворении и в законоведении на пепелище, в грамматике на пожарище и в раджазе позади верблюда, в прозе среди прелюбодеев и стихах среди людей рынка. Нет его в обходительности с продавцом харисы и в красноречии с торговцем головами убоины, в делах пекарен и в десятинах с похорон и оград кладбищ, в рассказах о минбарах и просьбах о мостах, в делах о пропавших, в проповедях на дорогах страны, рассказах о Судном дне, в упоминаниях виноградников и просьбах виноградаря, в призывах к Аллаху у палаток и криках "бисмиллах", обращенных к шатрам. Нет смысла в чтении хадиса в садах и пятничных молитвах в диванах, в диктантах на детских дощечках для письма, в написании записок распутных женщин, в рассказах крестьян

(ал-акара) у навозных кучь мол, рассказал нам такой-то и сказал некто... Да, затянулась речь, проголодались собаки, собрались мухи, как на добычу, а мы не можем отогнать их. Для каждой работы-работник, для любых ворот находится входящий в них⁹⁵.

Завершается речь стихом ал-Мутанабби:

По силе тех, кто силен, приходят их намерения.

По размерам слона строится стойло⁹⁶.

Стихи и проза Мас'уда ибн Намдара, выдержанные в духе классических образцов, тем не менее не содержат, насколько можно судить, прямых заимствований. Мас'уд лишь следовал определенным канонам, поскольку этого требовала традиционная форма касиды или прозаического рассказа. Разумеется, основные мотивы его стихов не могут претендовать на оригинальность.

В стихах и прозе Мас'уда ибн Намдара мы не находим и следа мистических настроений. Его "житейская философия" практична и конкретна; Мас'уд исходит в ней из своих личных и сословных интересов. Он требует прежде всего уважения прав чиновника и адйба. Ремесленники Байлакана, крестьяне (и дехкане, и ал-акара), торговцы, как мы видели, были объектом ненависти и презрения Мас'уда. Вместе с тем и от чиновников Мас'уд требует строгого следования законам и обличает ненавистного ему 'амила, обманным путем взявшего на откуп Байлакан, малограмотных и невнимательных катибов, везира, к которому трудно достигнуть, начальника войска, не выполняющего обещания. Во многих местах сочинения проявляется уважение Мас'уда к традиционным порядкам и праву. Он много сетует на бурное и непостоянное время. Смуты и беспорядки кажутся нашему автору основной причиной упадка нравов. Называет он и виновников смут - это не только горожане, восстающие против законных властей, но и предста-

3-2 534.

вители феодальной администрации, нарушающие прежние нормы и законы, - это эмиры, подобные 'Абд ал-Джаббāру и Ибн Тугтеҗйну, и их воины - тюрки и туркмены. Неуверенность Мас'уда, его опасения за судьбу его владений и причитающихся ему сумм сказались в том, что для защиты своих прав он обращался и к везирам и к мустауфй Гянджи и, наконец, за утверждением этих прав - к правительству халифа. Положение Мас'уда не напоминает обычную роль придворного поэта или ритора, хотя его литературные способности позволили ему выдвинуться при дворе гянджинского правителя ал-'Адуда⁹⁷, сына ширваншаха Фарйбурза.

Вероятно, последующая разработка материалов доставит новые данные о литературных памятниках на арабском языке, возникших в Арране и Ширване. Сама фигура Мас'уда ибн Нāмдāра свидетельствует о том, что к его времени в Арране и Ширване существовала литературная традиция на арабском языке - ей впоследствии отдавали известную дань и крупные поэты, писавшие на фарси. Но главное значение сборника Мас'уда ибн Нāмдāра - не в принадлежности к местной традиции, которая, конечно, развивалась в общем русле арабской литературы. Думается, что наибольший интерес наследие Мас'уда ибн Нāмдāра привлечет именно как творчество чиновника невысокого ранга, отражающее жизнь города и чиновничьей среды полнее и непосредственнее, чем сочинения его современников - литераторов-профессионалов.

Примечания

1. علي جواد الطاهر، الشعر العربي في العراق وبلاد العجم في العصر السلجوقي، الجزء الأول، بغداد، ١٩٥٨، стр. 89 (далее - 'Али Джавād ат-Тāхир, аш-Ши'р ал-'араби фи-л-'Ирақ). Ат-Тугра'й был впоследствии обвинен в ереси и казнен.

² Немецкий перевод см. Н. Horst, Die Staatsverwaltung, der Großseligen und Hōrazmšāhs (1038-1231), Wiesbaden, 1964, стр. 126 (Akademie der Wissenschaften und Literatur, Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, Bd XVIII).

³ خریدة القصر وجریدة العصر تألیف عماد الدین الاصبهانی الکاتب، القسم
، ۱۹۵۵، الجزء الاول، بغداد،
(далее - "Харидат ал-қаср").

⁴ См. "Харидат ал-қаср": ч. I, стр. 21, 27.

⁵ Издание текста: Мас'уд ибн Намдар, Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста. Предисловие и указатели В.М. Бейлиса, М., 1970 (далее ссылки на листы рукописи даны по этому изданию). См. также: V. Minorsky et Cl. Cahen, Le recueil transcaucasien de Mas'ūd b. Nâmdâr, - «Journal Asiatique», t. CCXXXVII, 1949, fasc. 1, стр. 93-142, и статьи автора этих строк: "Мас'уд ибн Намдар и городское население Байлакана", - "Известия АН Азербайджанской ССР", 1966, № 3, стр. 50-64 и "Из наблюдений над текстом и терминологией Мас'уда ибн Намдара, 1", - "Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968", М., 1970, стр. 17-31.

⁶ Лл. 176₆ - 18a₇, а также л. 203a и сл.

وزارت در عهد سلاطین بزرگ سلجوقی ... تألیف عباس اقبال، تهران، ۱۳۳۸
ص ۱۲۴ - ۱۲۵ (далее - 'Аббас Иқбāl, Визāрат).

⁸ Л. 94a₁₂ и сл.

⁹ Л. 16₁₋₄.

¹⁰ 'Аббас Иқбāl, Визāрат, стр. 166 и сл. Заметим, что похвальное слово нашего автора Дийā' ал-Мулку (лл. 16-6a) содержит в основном панегирик его отцу - Низām ал-Мулку. Ал-Абйвардй и другие поэты также подчеркивали, что их похвалы относятся к Низām ал-Мулку либо ко всему потомству

везира - бану Исхақ (см. стихи ал-Абйвардй в кн. 'Алй Джа-
вād ат-Тāхир, аш-Ши'р ал-'арабй фй-л-'Ирāқ, часть II,
стр. 42).

¹¹ См. л. 36_а₆₋₁₀ и предисловие, стр. 51.

¹² См.: "Мас'уд ибн Намдар и городское население Бай-
лакана", стр. 53, 61.

¹³ Например, войска 'Айн ад-Дйна Алтунтāша и его сы-
на Алпқуша (см. лл. 107_б₄₋₁₀, 109_а₁, 110_а_{7-110_б₁₃}).

¹⁴ Хāтим ат-Тā'й - недждский поэт (У1 в.), великоду-
шие и щедрость которого вошли в поговорку; Сахбāн - один
из проповедников раннего ислама, славившийся исключитель-
ным даром речи.

¹⁵ Т.е. Муканской степью.

¹⁶ По-видимому, до берегов Каспийского моря.

¹⁷ Название Абхāз обычно прилагалось к владениям в
Грузии, подчиненным Абхазской династии (см.: В.Ф.Минор-
ский, История Ширвана и Дербенда, М., 1963, стр. 209,
прим. 94).

¹⁸ О возможных обстоятельствах, при которых ширваншах
завладел Гянджей, см.: Мас'уд ибн Нāмдār, предисло-
вие, стр. 42-43.

¹⁹ О народе гумйк (предках современных лакцев) см.:
В.Ф.Минорский, История Ширвана..., стр. 131-132.

²⁰ По-видимому, речь идет о вассальном племени, жив-
шем по соседству с аланами.

²¹ Аланы были, как известно, христианами.

²² Лл.150_а₁-151_а₄. Начало касиды отсутствует в тексте.

23 В. Ф. Минорский, История Ширвана..., стр. 60, араб. текст, стр. 16.

24 Л. 151a₁₃₋₁₄.

25 Азербайджан, а также Арран и Ширван посещали, впрочем, видные поэты (см. об этом: 'Али Джавад ат-Тажир, аш-Ши'р ал-'араби фй-л-'Ирақ, ч. II, стр. 52).

26 Л. 155a_{7,9,10}.

27 Коран, 3₉₀ (здесь и далее ссылки на издание Корана в переводе И. Ю. Крачковского (М., 1963)).

28 Мифические пророки — персонажи мусульманских преданий.

29 Ал-Марва и ас-Сафа — названия холмов около Мекки.

30 Джулистан — крепость, вероятно близ столицы Ширвана города Шемахи, служившая резиденцией ширваншахов (см.: В. Ф. Минорский, История Ширвана..., стр. 107, 161). Под "скалой из Джулистана" автор, видимо, понимает какое-то определенное место в крепости.

31 Ас-Сурайя — созвездие Плеяд; ал-Фарқад — звезда в созвездии Малой Медведицы; ан-На'ам — группа звезд в созвездии Стрельца.

32 Название мифической реки в рае.

33 Лл. 1676₁₋₈, 168a₁₋₃. Окончание см. Коран, 31₂₆.

34 См. о них: H. L. Rabino di Borgomale, Les dynasties locales du Gilân et du Daylam, — «Journal Asiatique», t. CCXXXVII, 1949, fasc. 2, стр. 313.

35 Там же. Впрочем, Рабино считает возможным происхождение нисбы от названия местности.

36 'Аббāс Иқбāl, Визāрат, стр. 83. Не в этих ли связях с Дейлемом можно найти ответ на вопрос об изменении ономастической традиции ширваншахов, поставленный В.Ф.Минорским (В.Ф.Минорский, История Ширвана..., стр. 155, 176)?

37 Лл. 13a₉-13b₁.

38 Лл. 12a₈₋₁₁, 12b₉₋₁₀.

39 "Харидат ал-қаср", ч.II. стр. 66.

40 Л. 14b₂₋₅.

41 Об этом см.: «Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur», ed. C.J. Tornberg, t. X, Lugduni Batavorum, 1864, стр. 199-200, 242. Об идентификации см.: Мас'ūd и бн Нāмдār, предисловие, стр. 39.

42 Л. 18a₁₁.

43 Л. 205b₆₋₈. "Проклятое сборище" - это несомненно, по представлению Мас'ūда, горожане Байлакана.

44 О пожалованиях и подарках Амйн ал-Мулка Мас'ūду см.: "Из наблюдений над текстом..., 1", стр. 27.

45 Л. 25b₆₋₉.

46 Лл. 31a₁₂ - 31b₄. Мас'ūd неоднократно в стихах и прозе подчеркивает свое служебное рвение.

47 Л. 41a₅₋₆. В тексте *رأى*, но игра слов говорит сама за себя. О термине "тасвйг" 'разрешение' (на получение сумм) см.: H. Horst, Die Staatsverwaltung, стр. 87. Терминологическое значение см. «Liber Mafâih al-Olum explicans vocabula technica... auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn

Jūsuf al-Kâtib al-Khowarezmi», ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni Batavorum, 1895, стр. 55.

48 Л. 356₅₋₇.

49 Лл. 23a₈₋₁₂, 23b₁₋₂.

50 Л. 40b₁₁₋₁₂.

51 См.лл. 47a₁₃, 48a₇₋₁₂, 51b₁₋₁₁, 52a₁₋₁₀ и др.

52 Лл. 54a₃-54b₂. О "людях рядов" (ахл ас-суффуф) см.

"Из наблюдений над текстом Мас'уда ибн Намдара, I", стр. 19.

53 Л. 55a₁₋₉.

54 Л. 55b₁₋₉. О виноделии в Байлакане см.: Н.В. Минкевич-Мустафаева, Некоторые итоги изучения ремесленного квартала Байлакана, - в кн. "Археологические исследования в Азербайджане", Баку, 1965, стр. 158; ее же, Производственные сооружения ремесленного квартала Байлакана, - "Советская археология", 1968, № 3, стр. 219-220.

55 Л. 56b₁₁₋₁₂.

56 Л. 57a₁₀₋₁₂.

57 Л. 59b₁₂.

58 Лл. 60a₁₁ - 60b₅. *Ҳаққ ал-қудум* (можно перевести 'долг за прибытие') было связано с подношениями, чем, видимо, и вызван упрек Мас'уда *‘амиду*.

59 Л. 61a₁₀₋₁₃.

60 Л. 76a₉₋₁₂.

61 Л. 69a₇₋₁₀.

- 62 Л. 79a₆₋₁₀.
- 63 Л. 80b₄₋₉.
- 64 Л. 81a₁₀₋₁₄.
- 65 Л. 82b₄₋₇.
- 66 Л. 249a₄₋₅ = Коран, 6₃₅.
- 67 Л. 249₅₋₆ = Коран, 55₄₁; л. 249₉ = Коран, 50₁₈.
- 68 Л. 252a₄₋₇; места из Корана соответственно: 7₁₂; 3₁₉₆; 13₃₃; 9₄₈. Во второй цитате (3₁₉₆) замена: вместо $\text{وتعلمهم} - \text{تقلب الذين كفروا}$; в последней (9₄₈) после ابتغوا вставлено بك . Это отражено в переводе.
- 69 См. лл. 253b₂ - 255b₃. В тексте письма - полтора десятка коранических цитат.
- 70 Л. 190b₇ = ал-Муганаббй, Диван, Бейрут, 1958, стр. 332. Л. 218b₅ = там же, стр. 35. См. также лл. 233a₄, 209a₈ и др.
- 71 Соответственно лл. 220b₂, 141b₅, 116a₁.
- 72 Л. 109b₁. Заключение пословицы - хорошо известно (см. $\text{مجمع الامثال لابي الفضل احمد بن محمد النيسابوري معروف بالميداني}$ (стр. 383 الجزء الثاني، ١٣٥٢، القا هن، (далее - ал-Майданй, Маджма ал-амсъл).)
- 73 Л. 186a₉₋₁₀. Хорошо известная пословица, но смысл слова "амал" варьирует.
- 74 Л. 109b₆, аналогичная пословица на л. 143a₃ - "Отставка - развод мужчин" (ср.: ал-Майданй, Маджма ал-амсъл, т.1, стр. 453).

75 Там же, л. 208б₆₋₇. О термине "дāмин" "поручитель", "откупщик" см. "Из наблюдений над текстом...", 1", стр. 22-23.

76 Л. 109б₈.

77 Л. 108а₁₁. Этот стих принадлежит самому Мас'уду ибн Нāмдāру, и он отмечает это..

78 Л. 186а₂.

79 Л. 149а₁.

80 Соответственно лл. 149а₂ и 188а₆.

81 См., например, упоминание о земледельцах, "добывающих пропитание для рода человеческого" в "Китāб ат-тавассул илā-т-тарассул" Бахā'ад-Дīна Бағдāдī (см. *الموسل الى الترسل انشاء وتاليف بهاء الدين محمد بن مؤيد بغدادى مقابلة وتصحيح احمد انشاء وتاليف بهاء الدين محمد بن مؤيد بغدادى مقابلة وتصحيح احمد* ۱۳۱۵، تهران، ۱۳۱۵، стр. 21), или заботу "об улучшении положения подданных" в письме Гийāс ад-Дīна Пīршāха (около 1224 г.) неизвестному лицу (немецкий перевод см.: Н. Horst, Die Staatsverwaltung, стр. 109).

82 Л. 179а₁.

83 Л. 183б₄.

84 Л. 184а₅₋₆.

85 Л. 183б₂.

86 Л. 224а₅₋₆.

87 Л. 241а_{1-7; 11-12} В речи раиса, вероятно, описывается смутное время междоусобной борьбы сыновей Маликшāха султанов Баркийāрука и Мухаммада (492-498/1098-1105).

88 Л. 243а₃ и 6.

89 Л. 243б₉₋₁₀.

- 90 Л. 244а₃.
- 91 Л. 244а₄. Ср. аналогичные пословицы: ал-Майдāнī, Маджма'ал-амс̄ал, т. II, стр. 148, 236.
- 92 Л. 245б₅.
- 93 Л. 245б₁₀.
- 94 Л. 246б₄-247а₁₀.
- 95 Л. 246б₄-247а₁₀.
- 96 Ал-Мутанаббī, Дīвāн, стр. 385 (совпадает лишь первое полустишие).
- 97 Мас'ūd пишет об этом так: "А тайный смысл эмирского внимания /ко мне/ - это скрытая соль его речей. Если он проявил ее, то я при нем спешу /понять ее/, а если промедлил с нею - не беда (?): ведь я сегодня покажу ему ее явной". Иначе говоря, Мас'ūd определенно хвастает своим умением выражать сокровенные мысли эмира ал-'Адуда (см. лл. 125б₉-126а₁).